

УДК 7.01
ББК 87.8

Устюгова Елена Николаевна

Доктор философских наук, профессор, кафедра культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
ORCID ID: 0000-0001-7453-2585

ResearcherID: V-1276-2017

Scopus Author ID: 57195838121

elena.ust@gmail.com

Ключевые слова: идеологические каноны марксизма, гносеологическая трактовка эстетического сознания, гуманитарные ценности, аксиологическая эстетика, творчество, системный подход, Ю.Б. Боров

Устюгова Елена Николаевна

Советская эстетика 1960-х годов в отстаивании гуманитарных ценностей

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2026-1-64-83

Для цит.: Устюгова Е.Н. Советская эстетика 1960-х годов в отстаивании гуманитарных ценностей // *Художественная культура*. 2026. № 1. С. 64–83. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2026-1-64-83>.

For cit.: Ustyugova E.N. Soviet Aesthetics of the 1960s in Defense of Humanitarian Values. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2026, no. 1, pp. 64–83. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2026-1-64-83>. (In Russian)

Ustyugova Elena N.

D.Sc. (in Philosophy), Professor, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, St. Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7453-2585

ResearcherID: V-1276-2017

Scopus Author ID: 57195838121

elena.ust@gmail.com

Keywords: ideological canons of Marxism, epistemological interpretation of aesthetic consciousness, humanitarian values, axiological aesthetics, creativity, systemic approach, Yu.B. Borev

Ustyugova Elena N.

Soviet Aesthetics of the 1960s
in Defense of Humanitarian Values

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений теоретических и методологических поисков советских эстетиков 1960-х годов и оценке их вклада в развитие отечественной эстетики. Рассматриваются главные дискуссии между позициями объективной социальной и гносеологической природы эстетического и аксиологической эстетики. Раскрывается содержание взглядов Ю.Б. Борева на историческую динамику ценностного восприятия эстетических категорий и системы оппозиций образного мышления. Выявлены принципы системной методологии в эстетике 1960-х годов. Дается критический анализ противоречивости ряда позиций аксиологической эстетики 1960-х годов, в частности недооценки чувственной природы эстетического. Отмечается, что расширение понимания гуманитарного содержания эстетического и искусства подготовило культурологический этап развития эстетики конца XX века и продолжает оставаться ориентиром в отстаивании фундаментальных оснований эстетики как философской науки в современных дискуссиях о природе эстетического.

Abstract. The article analyses the main directions of theoretical and methodological inquiry pursued by Soviet aestheticians in the 1960s and assesses their contribution to the development of domestic aesthetics. It examines the key debates between positions that construed the aesthetic as having an objective social and epistemological nature and those of axiological aesthetics. The content of Yu.B. Borev's views is revealed concerning the historical dynamics of value-laden perception of aesthetic categories and the system of oppositions in figurative thinking. The principles of a systemic methodology in the aesthetics of the 1960s are identified. The author performs a critical analysis of the contradictions within a number of positions of the axiological aesthetics of the 1960s, in particular, the underestimation of the sensuous nature of the aesthetic. It is noted that the broadened understanding of the humanitarian content of the aesthetic and of art prepared the cultural-studies phase in the development of aesthetics at the end of the 20th century and continues to serve as a reference point in defending the fundamental premises of aesthetics as a philosophical discipline in contemporary debates about the nature of the aesthetic.

Введение

Ю.Б. Боров (1925–2019) принадлежал к поколению шестидесятников, которое, при всем различии индивидуальностей, представляло собой относительно цельное явление в развитии отечественной эстетики на переходе от жесткого идеологического канона схематически интерпретированного марксизма к новым горизонтам гуманитарных проблем, таких как творческая личность, многообразие ценностных ориентаций человека и его мира. Вспоминая это время, Л.Н. Столович писал: «Эстетика, возродившаяся в середине 50-х годов, несомненно, была *шестидесятницей* — участницей гуманистического и демократического движения 60-х годов... Эта направленность заключалась прежде всего в стремлении выявить общечеловеческую сущность эстетических и художественных ценностей, самого эстетического отношения человека к миру, в намерении исходить из гуманистической традиции домарксистской эстетики, связывая красоту с утверждением человека в действительности...». В стремлении к новому осмыслению эстетики шестидесятники «...шли единым фронтом, работали, при различиях в частностях и авторских нюансах, в диалоге-согласии друг с другом... В сущности, это было качественно новое “издание” = второе (а если считать от Маркса, Лафарга и Плеханова с их эстетическими идеями, то третье) рождение марксистской эстетики» [Столович, 1999, с. 110; 135–137].

В 1960-е годы во многих гуманитарных науках наметился интерес к человеку как объекту комплексного исследования. Вновь издаются труды одного из основателей советской психологии С.Л. Рубинштейна, сформулировавшего принцип единства сознания и деятельности; сочинения Л.С. Выготского, который оригинально интерпретировал идеи К. Маркса и ассимилировал некоторые современные западные идеи; тогда же были опубликованы написанные еще в 1920–40-е годы некоторые концептуальные труды М.М. Бахтина, в которых он анализировал сложные отношения культуры и искусства. Молодые философы 1960-х годов пытались понять, как можно по-современному, творчески интерпретировать марксизм (о возможности иной мировоззренческой основы тогда еще не могло идти речи) и какая методология гуманитарного знания может прийти на смену старым догматам. Они заново выходили к тем же проблемам человека,

творчества, культуры, бывшим лейтмотивом русской культуры XIX — начала XX века. Исследования молодых философов и эстетиков-шестидесятников восстанавливали преемственную связь с дореволюционным этапом отечественной мысли, который считается золотым веком русской философии.

Культурный и идеологический контекст эстетики оттепели

Общей тенденцией советской культуры конца 1950-х — 1960-х годов было стремление не только освободиться от идеологического пафоса сталинской эпохи, но и утвердить новые культурные идеалы. Само понятие «современное» стало своеобразным знаком эстетической ценности. Образ современности формировался под влиянием научно-технологического энтузиазма, проявившегося прежде всего в новой архитектуре, в утверждении новых эстетических вкусов в дизайне предметной среды. Во время оттепели голоса нового искусства зазвучали буквально во всех его видах: театре, кинематографе, изобразительном искусстве, поэзии. Кумирами шестидесятых стали Ю.П. Любимов, Г.А. Товстоногов, О.Н. Ефремов — в театре; М.М. Хуциев, Г.Н. Чухрай, А.А. Тарковский — в кинематографе; художники «сурового стиля» в живописи; скульпторы Э.И. Неизвестный, Е.В. Вучетич, М.К. Аникушин; поэты Е.А. Евтушенко и А.А. Вознесенский, Р.И. Рождественский, Б.Ш. Окуджава и Б.А. Ахмадулина. Весь контекст советской культуры с конца 1950-х годов был проникнут стремлением заговорить не помпезным и назидательным идеологизированным, а живым, честным, эстетически разнообразным языком яркой метафоры, искренней лирической интонации. Искусство сменило дидактику на откровенное и доверительное общение с аудиторией, которая живо откликнулась на такой призыв, достаточно вспомнить полные залы на вечерах поэзии в Политехническом музее и даже на стадионах, ночные очереди за билетами в «Современник», БДТ, театр на Таганке.

В этих новых горизонтах развития культуры заявила о себе и эстетика, возвращавшая свое право быть одним из фундаментальных направлений философской мысли. В 1960 году одновременно в Московском, Ленинградском, Киевском и чуть позднее в Уральском (Свердловск) университетах были созданы кафедры эстетики (тогда

они назывались кафедрами марксистско-ленинской эстетики), от желающих учиться на которых не было отбоя. До этого философские факультеты занимались только проблемами исторического и диалектического материализма и марксистской политологии под именем теории научного коммунизма [Устюгова, 2018, с. 348].

Построить теоретическую и методологическую основу современной советской эстетики в условиях кратковременной оттепели оказалось весьма непросто из-за сопротивления старой консервативной системы, наиболее яростного в сфере общественно-образовательного образования. Надо отметить, что степень идеологического контроля в искусстве и общественных, гуманитарных науках была различной. Искусство оттепели смогло смелее и ярче выразить новые тенденции общественного настроения, несмотря на все запреты и публичные скандалы (достаточно вспомнить разгром выставки в Манеже (1962) или встречу Н.С. Хрущева с интеллигенцией). Но в научной, издательской, образовательной деятельности возможности свободного мышления только начали приоткрываться. Сфера гуманитарного знания и образования все еще считалась идеологическим фронтом и находилась под строжайшим партийно-государственным контролем, кадровый состав философских кафедр утверждался в райкомах партии. В целом в гуманитарных науках господствовал догматический марксизм: сочинения русских философов Серебряного века находились в спецхране, работы современных европейских философов не издавались, а обращение к их идеям было возможно лишь под рубрикой критики современной буржуазной философии. Издававшиеся тогда учебники по марксистско-ленинской эстетике следовали старой структуре, с упором на определяющую роль идейного мировоззрения, классовость и партийность искусства, безусловную прогрессивность социалистического реализма. Тем более нужно оценить отважность молодых ученых, которые попытались заложить фундамент новой советской эстетики, начав хотя бы с расширенного понимания самого марксизма как незавершенного проекта.

Эстетиков привлекли некоторые положения только что опубликованных в СССР ранних работ Маркса, прежде всего «Экономическо-философских рукописей 1844 года», в которых говорилось о гуманистических основах коммунизма, о том, что личность — ансамбль различных общественных отношений, а не проекция классово-

структуры общества. В центре внимания советской философии и эстетики шестидесятых оказались проблемы творческой сущности человека, формирующего мир «по законам красоты». Если в 1930–1950-е годы субъект трактовался только как продукт объективной детерминации — социально-классовой и гносеологической, то теперь стало открываться разнообразие его духовных потребностей и интересов — нравственных, религиозных, эстетических — и возможности свободного выбора личностью собственных ценностных ориентаций. В размышлениях о различных смыслах субъектности, объединивших новое поколение эстетиков и их лидеров: Л.Н. Столовича, Ю.Б. Борева, М.С. Кагана, А.Ф. Еремеева, — формируется представление о человеке как творце культурного, исторического мира. В этих поисках намечаются контуры модели современной эстетики на базе построения научной методологии гуманитарного знания как неидеологизированной рациональности, что в определенном смысле было восстановлением авторитета рационального знания в отечественной гуманитарной науке первой четверти XX века.

Основные дискуссии шестидесятых годов

Оценивая общий вклад шестидесятников в развитие эстетики, можно выделить два главных направления: теоретические поиски шли по пути утверждения принципов эстетической аксиологии, а методологические — в направлении к системному подходу, с позиций которого выстраивалась структура эстетического знания.

Разработка аксиологической проблематики началась с большой дискуссии о природе эстетического, а по сути о предмете эстетики. В ходе полемики явно наметилась конфронтация двух позиций, так называемых «природников» и «общественников». М.С. Каган отмечал, что дискуссия на эту тему «...выросла в самое, пожалуй, крупное теоретическое сражение в марксистской эстетической науке середины XX века» [Каган, 1963, с. 290]. Странники первой позиции (И.Б. Астахов, Н.А. Дмитриева, М.Ф. Овсянников, Г.Н. Пospelов) исходили из признания красоты объективным свойством природы, отражаемым сознанием. Отсюда следовало, что главная функция эстетического сознания — адекватно отражать, а точнее познавать, объективные свойства реальности. Позиция «общественников», которую защищали

Л.Н. Столович, Ю.Б. Борев, состояла в том, что эстетические свойства являются выражением отношения к красоте как ценности, рождающейся в социально-исторической практике. Таким образом, эстетическое — это оценочное отношение к разным аспектам значимости красоты для человека, пребывающего в процессе исторического развития. Так, в советскую эстетику вошло новое понятие «эстетическое отношение».

Начиная с середины 1950-х годов стали выходить первые публикации Л.Н. Столовича, наиболее четко выразившего позицию приоритета общечеловеческих гуманитарных ценностей над классовыми, творческой природы эстетического и художественного освоения человеком мира. [Столович, 1959; Столович, 1961; Столович, 1969]. Последовательный сторонник такой позиции Ю.Б. Борев в эпиграфе к своему учебнику «Эстетика» так сформулировал его центральную идею: «Эстетика — наука об исторически обусловленной сущности общечеловеческих ценностей, их созидании, восприятии, оценке и освоении» [Борев, 1969, с. 6].

За теоретическими разногласиями «природников» и «общественников» стояли и мировоззренческие расхождения консервативной и новаторской позиций ученых. Если первые исходили из отражательной функции эстетического сознания, то вторые призывали к деятельному подходу к эстетическому и искусству, творчески преобразующим действительность. Концепция «общественников» была подвергнута жесткой критике «природников», усмотревших в ней субъективизм. Нередко эта критика выходила за допустимые рамки научной полемики, когда использовались идеологические обвинения и личные оскорбления. Ю.Б. Борев ответил на эти нападки острой полемической статьей «Четыре ахиллесовы пяты», опубликованной в 1961 году в журнале «Октябрь» [Борев, 1961].

Ряд авторов, в числе которых были М.С. Каган, Н.З. Чавчавадзе, А.Ф. Еремеев, приводили убедительные доводы против отождествления общественных ценностей с субъективизмом, поскольку они рождаются в объективном процессе социально-исторической практики, постепенно расширяющей сферу эстетических потребностей человека в направлении их взаимосвязи с другими классами ценностей: этическими, религиозными, предметно-практическими и т.д. Поэтому в круг человеческих интересов вступают не только ценности

общественного бытия, но и разнообразные неутилитарные духовные смыслы, меняющие отношение и к самим предметно-материальным сторонам действительности. Эти доводы подтверждались и практически — в 1960-е годы шло обновление эстетического образа всей предметно-пространственной среды в духе современных идеалов научно-технического прогресса, а в круг эстетического осмысления органично вошли проблемы дизайна. Основанный в 1962 году Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики (ВНИИТЭ, Москва) стал площадкой обсуждения вопросов художественного конструирования предметного мира.

Аксиологическая эстетика

С аксиологических позиций пересматривались традиционные трактовки эстетических категорий, среди которых появились и новые — эстетическое отношение, эстетическое и художественное освоение мира, эстетическая деятельность, существенно расширявшие проблемные горизонты предмета эстетики.

В эти годы выходит несколько работ Ю.Б. Борева, посвященных эстетическому анализу общественно-исторической ценности категорий трагического и комического [Борев, 1957; Борев, 1960; Борев, 1961; Борев, 1970], где он прослеживал зависимость содержания этих категорий от смены общественных идеалов. На материале литературы разных эпох и национальных традиций он показал, что динамика эстетических смыслов трагического обусловлена разным пониманием концепции жизни как общечеловеческой ценности, смерти и бессмертия. Правда, в разделявшемся большинством «общественников» выведении трагического и комического из общественного идеала прогрессивного социального развития все еще сказывалась приверженность советской эстетики марксистскому социологизму. Так, при всем новаторстве подхода, Ю.Б. Бореву все же не удалось полностью освободиться от ряда клише советского литературоведения. Например, о возможности преодоления трагического конфликта между обществом и личностью ее служением высоким общественным целям [Борев, 1961, с. 95–122]. Основу комического он также видел в объективном противоречии между личностью и «общественным идеалом», так как смех эмоционально выражает социальную критику

современного общества. Хотя к анализу комического Ю.Б. Боров подходит эстетически разнообразно, выявляя множество его модификаций (юмор, сатира, карнавал), но все же и здесь встречаются социально-пафосные сентенции о том, что эстетический идеал со временем демократизируется в ориентации на «вырастающее из современности коммунистическое завтра» [Боров, 1970, с. 149].

Полемика между единомышленниками

Острота дискуссии «природников» и «общественников» постепенно снижалась по мере принятия эстетической аксиологии все большим числом исследователей. Но и между ее сторонниками было немало разногласий. Одним из центральных предметов споров стала проблема соотношения эстетического и художественного. Согласно точке зрения Л.Н. Столовича, Ю.Б. Борева, А.Ф. Еремеева, воплощение эстетических ценностей составляет сущность искусства как высшей формы эстетической деятельности. Но по мнению М.С. Кагана, такое понимание не учитывает уникальную функцию искусства как самосознания культуры. Он обосновывает значимость особой миссии искусства, выводя ее из структурной соорганизации познавательной, ценностно-ориентационной, преобразовательной и коммуникативной деятельности, и полагает, что все эти виды фокусируются и продуктивно преобразуются художественным творчеством в целостную систему отношений человека к миру, представляющую собой новую реальность. В ходе этой дискуссии наметился еще один аспект разногласий о том, существует ли эстетическая деятельность как особый вид. В отличие от многих сторонников деятельной трактовки эстетического, М.С. Каган считал, что эстетической деятельности как особого вида не существует, поскольку эстетическое пронизывает все виды человеческой практики и сознания, в которых выражение эстетических ценностей не является специальной целью, и только искусство, целенаправленно производящее принципиально новую реальность, можно считать особым видом человеческой деятельности [Каган, 1971; Каган, 1974]. Сегодня эта полемика может показаться несколько схоластичной, но тогда она велась ради утверждения универсальности эстетических ценностей, с одной стороны, и уникальной значимости искусства в производстве духовно-ценностных смыслов — с другой.

Разведение художественного и эстетического послужило впоследствии аргументом в пользу концепции, которую можно условно назвать «эстетика без искусства». Это произошло уже в XXI веке, когда эстетическое стали трактовать как чувственный опыт вне аксиологического наполнения. Радикализм этой концепции проявляется в сведении к нему всего предмета эстетики и устранению из него эстетической проблематики искусства. В определенном смысле аксиологическая эстетика шестидесятников давала косвенный повод для такого разворота, поскольку, отстаивая ценностно-смысловое содержание эстетического, «общественники» обделяли вниманием его чувственную составляющую. Если в исследованиях того времени М.С. Кагана описанию эмоционально-оценочной природы эстетического отношения отводилось хоть несколько страниц, то в работах этого периода Ю.Б. Борева об эстетической чувственности вообще не говорится. Отчасти из-за такого пробела образовалась лакуна между аксиологической эстетикой и эстетикой чувственного опыта. С сожалением можно отметить, что по этой причине современные эстетики почти не проявляют интереса к исследованиям шестидесятников, а это, в свою очередь, указывает на новый крен в понимании предмета эстетики, отступающий от всего исторического опыта эстетической мысли, обращенного к чувственно-сверхчувственной природе эстетического освоения мира.

Системные принципы эстетического знания

Второе направление исследований, объединившее лидеров эстетики шестидесятых годов, — это методологические поиски оснований новой модели эстетики, осуществлявшиеся в русле разного понимания системности. Важную роль в разработке принципов методологии науки сыграли в эти годы исследования И.В. Блаубергом, В.Н. Садовским, Э.Г. Юдиным и др. проблем структурно-функциональной организации систем. Стремление привести в систему разные аспекты эстетического знания, представить многосложный состав эстетической проблематики в виде научно обоснованной целостности разделяли многие исследователи. Ю.Б. Боров считал, что современная эстетика должна утверждать себя прежде всего как наука, а это значит, что она должна «строиться на системе общих категорий, принципов, законов,

в основе которых принцип рассмотрения явлений, взятых в историческом развитии и в самом широком общественном значении, в их ценности для человечества» [Борев, 1969, с. 24]. Представителям новой модели эстетического знания было важно заявить о своем понимании в концептуально построенных современных учебниках, наиболее обобщенно излагающих системные принципы эстетики, поэтому в 1960-х — начале 1970-х годов учебники стали едва ли не основным форматом, представляющим широкой аудитории достижения современной отечественной эстетической мысли [Борев, 1965; Борев, 1969; Еремеев, 1969–1975; Еремеев, 1969; Каган, 1963; Каган, 1971]. Вместе с тем у разных авторов трактовки системной целостности эстетики существенно различались. Ю.Б. Борев и А.Ф. Еремеев понимали ее как комплекс гносеологических, а также прежде выпадавших из старой марксистско-ленинской парадигмы — аксиологических, онтологических, семиотических аспектов эстетической проблематики. Но по мнению М.С. Кагана, одного провозглашения системности как комплекса функций недостаточно и пора применять системный подход к самому системному подходу, то есть мыслить его «как организованное множество конкретных аспектов исследования, необходимых и достаточных для полноты характеристики изучаемых объектов и находящихся в определенной взаимосвязи и взаимодействии» [Каган, 1973, с. 34]. Этим принципам он следовал в своих работах начала 1970-х годов, прежде всего в «Морфологии искусства» и «Человеческой деятельности» [Каган, 1972; Каган, 1974].

Между тем, несмотря на общее стремление к системности, авторы по-прежнему следовали дихотомическому разделению структуры эстетики на философию эстетического и философию искусства. Каждый из этих разделов описывался разным комплексом категорий. Первый касался общих проблем природы эстетического и классических эстетических категорий: прекрасное, возвышенное, трагическое и комическое; второй — как правило, наиболее объемный — касался проблем сущности и функций искусства, анализа художественного образа, творчества и восприятия, исторических форм искусства. Ю.Б. Борев посвятил искусству самый большой раздел своего учебника «Эстетика» 1960-х годов [Борев, 1969], в котором определил его сущность как форму общественного сознания и образного мышления, а также указал в ряду таких традиционно отмечаемых функций

искусства, как воспитание и познание, собственно эстетические функции воздействия, внушения, предсказания. В главе о художественном образе он показал ценностную дихотомию разных моделей художественной реальности: обобщенности и индивидуализации, рационального и иррационального, смыслового и сверхсмыслового, реального и ирреального, а кроме того, выявил жанровую обусловленность типов художественной концептуализации в романе, драме, стихах, фантастике [Борев, 1969]. Тем самым он раскрыл содержание внутрихудожественной детерминации, о которой раньше говорилось вскользь как об относительной самостоятельности искусства, без раскрытия ее содержания и механизмов действия. Впервые в советской эстетике Ю.Б. Борев, наряду с В.Д. Днепровым [Днепров, 1961], поставил проблему вариативности художественного мышления в XX веке, в том числе видов современного реализма. Несомненным достоинством учебника по эстетике Ю.Б. Борева, написанного не академичным, а живым, располагающим к диалогу языком, стало включение в него актуальных дискуссий 1960-х годов, в частности полемики вокруг книги Роже Гароди «О реализме без берегов» (1966), на первый взгляд расширяющей, а по сути сужающей горизонты искусства его трактовкой как мифотворчества. Ю.Б. Борев доказывает, что несмотря на историческое развитие содержания реализма, его образный язык характеризуется следованием формам реальности, в отличие от таких форм художественного мышления, как классицизм или романтизм. Вместе с тем, когда Ю.Б. Борев объясняет разнообразие типов художественного мышления, опираясь на категорию «творческий метод», он все еще следует традиции, сложившейся сначала в советском литературоведении, а потом перешедшей в эстетику, согласно которой пара категорий «творческий метод и стиль» трактовалась в духе господствовавшего тогда гносеологического подхода к искусству. Творческий метод считался мировоззренческой основой художественного сознания, определяющей преобразование материала действительности в художественный язык, то есть методу отводилась главная роль в творчестве художественных смыслов, а стилю — вторичная функция проявления в формах художественных произведений мировоззренческих установок [Рыжкин, 1958; Теория литературы, 1962; Соколов, 1968]. Лишь немногие авторы настаивали на системном единстве смыслов и форм искусства, считая стиль

способом реализации концептуальной образно-эстетической направленности художественного сознания к восприятию [Днепров, 1961; Лихачев, 1967; Каган, 1971]. С окончанием главенства гносеологизма в отечественной эстетике категория «творческий метод» исчезла из эстетического дискурса, а «стиль» по-прежнему сохраняет значимость и категориальный статус при анализе языка культуры и искусства [Устюгова, 2006, с. 59–60]. Тенденцию движения от разделения формы и содержания к их интеграции можно проследить в эволюции эстетических взглядов Ю.Б. Борева. Если в его работах 1960-х годов категория «стиль» отсутствует, то в одном из последних изданий его «Эстетики» он не только вводит ее в категориальный аппарат эстетики, но и приходит к выводу, что стиль является порождающей художественной программой произведения, обеспечивающей единство духовных принципов отбора и сопряжения языковых единиц [Борев, 2002, с. 131–135].

Итоги

Проследивая главные векторы творческого пути советских эстетиков 1960-х годов, необходимо отметить, что в годы оттепели шестидесятники только начинали свою научную деятельность. В дальнейшем на протяжении десятилетий их взгляды развивались, преодолевая непоследовательность переходного периода на переломе мировоззренческих парадигм. Но основное направление их творческого поиска в исследовании гуманитарного содержания эстетики сохранялось, обогащаясь новыми идеями. Внутренняя логика их взглядов вела через исследование исторической динамики многообразия ценностных содержаний человеческого мира и рассмотрение форм эстетического и художественного освоения в системе культуры как пространстве интеграции смыслов, языков и механизмов всех аспектов человеческой деятельности. Таким образом, эстетика шестидесятых годов не только подготовила переход от аксиологической к культурологической эстетике во второй половине XX века, но и совершила прорыв к новой парадигме гуманитарного знания.

Значение вклада эстетики 1960-х годов не только историческое, оно оказывается вновь актуальным в современной борьбе идей в эстетике. В происходящем в XXI веке повороте эстетики в сторону

неопрагматизма и абсолютизации чувственного опыта возникает опасность исчезновения из нее аксиологической проблематики, а значит, ценностного содержания гуманистических основ эстетики. В таком контексте позиция шестидесятников и сегодня остается значимой в отстаивании фундаментальных оснований философской эстетики.

Список литературы:

- 1 *Борев Ю.Б.* О комическом. М.: Искусство, 1957. 232 с.
- 2 *Борев Ю.Б.* Основные эстетические категории. М.: Высшая школа, 1960. 445 с.
- 3 *Борев Ю.Б.* О трагическом. М.: Советский писатель, 1961. 391 с.
- 4 *Борев Ю.Б.* Четыре ахиллесовы пяты // Октябрь. 1961. № 3. С. 209–213.
- 5 *Борев Ю.Б.* Введение в эстетику. М.: Советский художник, 1965. 326 с.
- 6 *Борев Ю.Б.* Эстетика. М.: Политиздат, 1969. 350 с.
- 7 *Борев Ю.Б.* Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 269 с.
- 8 *Борев Ю.Б.* Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
- 9 *Днепров В.Д.* Проблемы реализма. Л.: Советский писатель, 1961. 371 с.
- 10 *Еремеев А.Ф.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Ч. 1–4. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1969–1975. Ч. 1. 1969. 150 с. Ч. 2–3. 1971. 358 с. Ч. 4. 1975. 270 с.
- 11 *Еремеев А.Ф.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Ч. 1: Ценностно-познавательные основы художественного отражения. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1969. 150 с.
- 12 *Каган М.С.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Ч. 1: Диалектика эстетических явлений. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. 132 с.
- 13 *Каган М.С.* Начала эстетики. М.: Искусство, 1964. 210 с.
- 14 *Каган М.С.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. 2-е изд., расшир. и перераб. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1971. 766 с.
- 15 *Каган М.С.* Морфология искусства: Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Л.: Искусство, 1972. 440 с.
- 16 *Каган М.С.* О системном подходе к системному подходу // Философские науки. 1973. № 6. С. 34–42.
- 17 *Каган М.С.* Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. М.: Политиздат, 1974. 328 с.
- 18 *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 374 с.
- 19 *Рыжкин И.Я.* Стиль и реализм // Вопросы эстетики. Вып. 1. М.: Искусство, 1958. С. 250–297.
- 20 *Соколов А.Н.* Теория стиля. М.: Искусство, 1968. 223 с.
- 21 *Столович Л.Н.* Эстетическое в действительности и в искусстве. М.: Госполитиздат, 1959. 250 с.
- 22 *Столович Л.Н.* Предмет эстетики. М.: Искусство, 1961. 114 с.
- 23 *Столович Л.Н.* Категория прекрасного и общественный идеал: Историко-проблемные очерки. М.: Искусство, 1969. 352 с.
- 24 *Столович Л.Н.* Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.
- 25 *Столович Л.Н.* Философия. Эстетика. Смех. СПб.; Тарту, 1999. 384 с.
- 26 *Теория литературы: В 3 кн. / Редкол. Г.Л. Абрамович и др. Кн. 1: Основные проблемы в историческом освещении: Образ, метод, характер. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 452 с.*
- 27 *Устюгова Е.Н.* Стиль и культура: Опыт построения общей теории стиля. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 260 с.
- 28 *Устюгова Е.Н.* Системный подход в советской марксистской эстетике и философии культуры: творческая эволюция М.С. Кагана // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. / Науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 348–349.

References:

- 1 Borev Yu.B. *O komicheskom* [About the Comic]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1957. 232 p. (In Russian)
- 2 Borev Yu.B. *Osnovnye ehsteticheskie kategorii* [Basic Aesthetic Categories]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1960. 445 p. (In Russian)
- 3 Borev Yu.B. *O tragicheskom* [About the Tragic]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 391 p. (In Russian)
- 4 Borev Yu.B. Chetyre akhillesovy pyaty [Four Achilles' Heels]. *Oktyabr'*, 1961, no. 3, pp. 209–213. (In Russian)
- 5 Borev Yu.B. *Vvedenie v ehstetiku* [Introduction to Aesthetics]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1965. 326 p. (In Russian)
- 6 Borev Yu.B. *Ehstetika* [Aesthetics]. Moscow, Politizdat Publ., 1969. 350 p. (In Russian)
- 7 Borev Yu.B. *Komicheskoe, ili O tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovlyayet cheloveka i utverzhdaet radost' bytiya* [The Comic, or About How Laughter Punishes the Imperfection of the World, Cleanses and Renews a Person and Confirms the Joy of Being]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 269 p. (In Russian)
- 8 Borev Yu.B. *Ehstetika* [Aesthetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2002. 511 p. (In Russian)
- 9 Dneprov V.D. *Problemy realizma* [Problems of Realism]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 371 p. (In Russian)
- 10 Ereemeev A.F. *Lektsii po marksistsko-leninskoi ehstetike* [Lectures on Marxist-Leninist Aesthetics]. Parts 1–4. Sverdlovsk, Ural'skii gos. un-t im. A.M. Gor'kogo Publ., 1969–1975. Part 1. 1969. 150 p. Part 2–3. 1971. 358 p. Part 4. 1975. 270 p. (In Russian)
- 11 Ereemeev A.F. *Lektsii po marksistsko-leninskoi ehstetike* [Lectures on Marxist-Leninist Aesthetics]. Part 1: Tsennostno-poznavatel'nye osnovy khudozhestvennogo otrazheniya [Value-cognitive Foundations of Artistic Reflection]. Sverdlovsk, Ural'skii gos. un-t im. A.M. Gor'kogo Publ., 1969. 150 p. (In Russian)
- 12 Kagan M.S. *Lektsii po marksistsko-leninskoi ehstetike* [Lectures on Marxist-Leninist Aesthetics]. Part 1: Dialektika ehsteticheskikh yavlenii [Dialectics of Aesthetic Phenomena]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1963. 132 p. (In Russian)
- 13 Kagan M.S. *Nachala ehstetiki* [The Basics of Aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1964. 210 p. (In Russian)
- 14 Kagan M.S. *Lektsii po marksistsko-leninskoi ehstetike* [Lectures on Marxist-Leninist Aesthetics]. 2nd ed., compl., rev. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1971. 766 p. (In Russian)
- 15 Kagan M.S. *Morfologiya iskusstva: Istoriko-teoreticheskoe issledovanie vnutrennego stroeniya mira iskusstv* [Morphology of Art: Historical and Theoretical Study of the Internal Structure of the Art World]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1972. 440 p. (In Russian)
- 16 Kagan M.S. O sistemnom podkhode k sistemnomu podkhodu [On Systematic Approach to Systematic Approach]. *Filosofskie nauki*, 1973, no. 6, pp. 34–42. (In Russian)
- 17 Kagan M.S. *Chelovecheskaya deyatel'nost': Opyt sistemnogo analiza* [Human Activity: A Study on System Analysis]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 328 p. (In Russian)
- 18 Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Ancient Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 374 p. (In Russian)
- 19 Ryzhkin I.Ya. Stil' i realizm [Style and Realism]. *Voprosy ehstetiki*, issue 1. Moscow, Iskusstvo Publ., 1958, pp. 250–297. (In Russian)
- 20 Sokolov A.N. *Teoriya stilya* [Theory of Style]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. 223 p. (In Russian)
- 21 Stolovich L.N. *Ehsteticheskoe v deistvitel'nosti i v iskusstve* [The Aesthetic in Reality and Art]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. 250 p. (In Russian)
- 22 Stolovich L.N. *Predmet ehstetiki* [The Subject of Aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1961. 114 p.
- 23 Stolovich L.N. *Kategoriya prekrasnogo i obshchestvennyi ideal: Istoriko-problemnye ocherki* [The Category of Beauty and the Social Ideal: Historical and Problematic Essays]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 352 p. (In Russian)
- 24 Stolovich L.N. *Krasota. Dobro. Istina: Ocherk istorii ehsteticheskoi aksiologii* [Beauty. Goodness. Truth: Essay on the History of Aesthetic Axiology]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 464 p. (In Russian)
- 25 Stolovich L.N. *Filosofiya. Ehstetika. Smekh* [Philosophy. Aesthetics. Laughter]. St. Petersburg, Tartu, 1999. 384 p. (In Russian)
- 26 *Teoriya literatury: V 3 kn.* [Theory of Literature: In 3 books], ed. board G.L. Abramovich et al. Book 1: Osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii: Obraz, metod, kharakter [The Main Problems in Historical Coverage: Image, Method, Character]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962. 452 p. (In Russian)
- 27 Ustyugova E.N. *Stil' i kul'tura: Opyt postroeniya obshchei teorii stilya* [Style and Culture: A Study of Composition a General Theory of Style]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006. 260 p. (In Russian)
- 28 Ustyugova E.N. Sistemnyi podkhod v sovetskoj marksistskoj ehstetike i filosofii kul'tury: tvorcheskaya ehvolyutsiya M.S. Kagana [Systematic Approach in Soviet Marxist Aesthetics and Philosophy of Culture: The Creative Evolution of M.S. Kagan]. *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya: XVIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 17–19 maya 2018 g.* [Contours of the Future in the Context of World Cultural Development: 18th International Likhachev Scientific Readings, May 17–19, 2018], sc. ed. A.S. Zapesotsky. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2018, pp. 348–349. (In Russian)